

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4903234>

Всё кончилось бы иначе

Направленность: Гет

Автор: [letscallitink](#)

Переводчик: [Саблезубый Хомячок \(https://ficbook.net/authors/43023\)](#)

Оригинальный текст: <https://www.fanfiction.net/s/11872886/1/I-ve-Told-You-This-Story>

Фэндом: Музыкальный блог Доктора Ужасного

Пейринг или персонажи: Билли/Пенни

Рейтинг: PG-13

Жанры: Романтика, Флафф, Hurt/comfort, AU, Songfic

Размер: Мини, 5 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Луч Смерти не взорвался. Пенни жива, но Билли при смерти.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

С радостью приму поправки по стилю в публичной бете.

Реклама:

Приглашаю всех, кому понравилась работа: www.vk.com/soulfant

Я люблю редкие тёплые фэндомы, и мне всегда можно заказать фик или перевод.

Счастливых вам праздников. =)

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Примечание к части	7

Часть 1

Отказ от прав: Принадлежало бы мне — кончилось бы иначе. (Автор.)

*И никто не осудит
Вы, словно стайка леммингов,
Выстроились у кромки воды.*

Пенни слушает учёного с болезненным восторгом. Его слова так правдивы. Изложено плохо, зато наконец раскрывает ей глаза.

«Доктор Ужасный! — вспоминает она. — Я его знаю».

Да, это было в день, когда она познакомилась с Билли. Когда она встретила Капитана Молота. Кошмар! Доктор Ужасный обращался к ней, а она была так поглощена Капитаном, что даже не услышала. А судя по нынешней речи, он пытался предупредить её. *Капитан Молот эгоистичен, глуп, опасен. Что-то вроде этого. Он причинит тебе боль, соблазнит тебя, будет обращаться с тобой, как с куклой.* Так он говорил? *Унизит тебя, собьёт с пути, заставит обо всём забыть.* Нет, там было: *Послушай, послушай, я пытаюсь сказать, что он...*

Почему она не услышала?

Порой я гадаю: можете ли вообще слышать меня? Капитан Молот, орудие Корпораций— Так подними голову, Билли, приятель. Как говорит Капитан Молот — *Он швырнул в меня машиной, снова выбил мне плечо, всё так запутано, отрезать голову, рыба гниёт с головы, ты лечишь симптом, вылечи болезнь, общество ускользает, мы ускользаем, мы все ускользаем, почему вы не видите, что мы ускользаем, неужели только я понимаю, что мы ускользаем, ускользаем, ускользаем...*

— Это плохой звук...

Замораживающий луч больше не действует. Капитан Молот хватает Луч Смерти и целится в Доктора Ужасного.

— Передай привет апостолу Петру. Или кто там выполняет его работу в Аду.

Нет.

Нет.

Кровь, как много крови! Всякое повидаешь, когда помогаешь бездомным. Избитые, голодные, ветераны — Пенни видела их всех. Но она не видела *такого*.

Ленивый удар, и Доктор летит через залу. Белые перчатки шарят по полу, ищут, за что зацепиться, — пытаются остановить этот полёт. Пронзительный звук: что-то твёрдое ударяется обо что-то ещё твёрже; Пенни слышит, как ломаются кости, может быть, треснул череп, а может, что-то другое.

Она безуспешно осыпает ударами Молота, бросается всем незначительным весом на его перекачанный торс. Но слишком поздно. Кровь Доктора повсюду, а сам он лежит неподвижно, заливая алым белизну халата. Всё это — красное на белом, нелепые взмахи рук — выглядит, как трагедия, поставленная в лучшем театре. Пенни *ненавидит* трагедии, даже поставленные в лучших театрах.

Капитан Молот тянется поцеловать её — будто это финальная сцена фильма и пора подкатить к двадцатилетней модельке, чьи груди вот-вот вывалятся из порванной рубашки, — но Пенни награждает его такой пощёчиной, что даже супергерой чувствует. Он отпускает её и хватается за расцветающий на щеке розовый след. Пенни встаёт на колени перед Доктором Ужасным. Её леггинсы покрывает кровь, но это неважно. Важно лишь, что грудь Доктора Ужасного ещё поднимается и опадает, а взгляд, пусть расфокусирован, но шарит по сторонам. Этот взгляд останавливается на ней.

— Пенни? — произносит Доктор Ужасный. Кровь пузырится на его губах, окрашивает их, будто жуткая помада, и пачкает её имя.

Что?

— Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, надо просто дождаться скорую, только держись... пожалуйста. Пожалуйста. Ты не можешь умереть вот так, правда?

Доктор Ужасный улыбается, и его зубы покрыты пятнами крови, нитями красной паутины с дёсен. А может, он прокусил язык, когда получил удар? А может, у него внутреннее кровотечение? Пенни готова поспорить, что дело в кровотечении.

— Скажи — му — скажи ему, что... — льдисто-голубые глаза шарят по комнате, пока не натыкаются на Капитана Молота, который всё ещё лелеет щёку. — Я никогда... я не хотел никого убивать... я никогда никого не убивал... Пушка была для показухи. Я даже денег не брал. Только золото, но оно... боже, как больно. Это даже хуже, чем машиной...

«Машиной? Машиной!» Пенни вспоминает и это. Капитан Молот швырнул машину в Доктора Ужасного. Удар бы переломил ему позвоночник, но Доктор Ужасный чудом увернулся, отделался синяками и царапинами. Пенни беспокоилась о нём в тот раз, но Капитан Молот всегда умудрялся отвлечь её от важного. Раньше.

— Я помню машину, — говорит она. И пытаюсь юмором сгладить боль, добавляет: — Ты что, бессмертный?

Улыбка вновь появляется и опадает, столь же красная.

— Очевидно, нет.

Он болезненно кашляет. Новый капли крови срываются с его губ, тянутся от изгиба губ к подбородку, покрывают кадык. И снова это похоже на трагедию, ужасный этюд в красно-белых тонах. Пенни не знает, что делать: потому что именно так люди выглядят в фильмах за секунду до смерти и потому что никогда не видела такого насилия.

— Эй. Эй, не умирай. — Будто это поможет. Но она требует от него: не умирать сегодня.
— Нет. Нет! Ты не можешь умереть, понимаешь? Не можешь вот так. Я даже не знаю, как твоё имя!

Красные губы открываются — или пытаются, потому что на его груди расцветает алый цветок, а сам он бледнеет на глазах.

— Б...

Побелев, он лишается злодейских замашек, и она осознаёт, что знает его. Пенни снимает с него очки, взъерошенные светлые волосы падают на лицо, а излом бровей больше не выглядит так зловеще.

Пенни знакомо это лицо, и она не может поверить, что не поняла раньше.

Это Билли.

— О Господи. Господи, Билли, ну почему ты не сказал? Ты — ах, ты дурень — почему ты не сказал мне?

Он просто *глядит*.

— Проехали.

Она думает о травмах Билли, о том, как он вздрагивал при малейшем шуме и шарахался при разговорах о Капитане Молоте — и о страсти, с которой он говорил сейчас. Так он и жил, молча, но храня в груди яростный огонь.

— Ты пытался сказать. Но я не слушала.

Доктор У... *Билли* ухмыляется. Внезапно глаза его расширяются, а пальцы цепляются за ткань её куртки. Он хочет что-то сказать, но голос покидает его вместе с кровью. Краем глаза Пенни видит, как Капитан Молот переминается с ноги на ногу позади.

— Билли?

Она понимает, что он смотрит на что-то за её спиной, но не на Молота. И почему-то кажется, что он подталкивает его.

— Что, Билли?

Из его гортани доносится низкий хрип, и Пенни глядит через плечо, пытаюсь найти, на что он смотрит. Она видит пушку. Не Луч Смерти, другую. Она узнаёт её из выпусков новостей.

И своим Замораживающим Лучом я остановлю мир.

Это механизм, который заставил Капитана Молота застыть.

— О. — В её мозгу мелькает осознание. Билли, конечно, гений, но и она не дура. — Да! Как?

— Си ка, — бормочет Билли, кровь склеивает его губы, — ккха.

— Что? — Она отрывает кусок рукава и промакивает им рот Билли, пытаясь убрать жидкость. Что-то мелькает на его лице, и она предполагает, что боль, но может быть и что-то другое, чему не время и не место.

— Син... — выдавливает он, — нопкх...

Пенни отодвигается к Замораживающему Лучу, а её мозг пытается расшифровать слова.

— Син... синяя кнопка! Синяя кнопка?

— Аха.

Там всё равно лишь три кнопки, так что даже если бы Билли не мог говорить, был бы шанс один к трём, что она бы угадала. Вот эта. Может, Билли и съехал с катушек, но не слишком далеко, и простота его механизмов позволяет Пенни легко использовать пушку.

Она нащупывает кнопку и надеется, что две секунды, которые она потеряла из-за вспотевших пальцев, не повлияют на жизнь Билли. Она нажимает на кнопку.

oooOOOooo

Пенни сдавала кровь для переливания много раз, но никогда в такой спешке. Она твердит им спасти Билли, хоть они и пообещали, что сделают всё возможное, но она не поверит ни слову, пока Билли не выйдет из больницы полностью здоровый. Глаза заливают темнота и она понимает: «Ой, я отключаюсь».

oooOOOooo

— Эй...

Билли смотрит на Пенни. Она сидит, а он лежит — эй, на больничной койке! Его вена уже потемнела под катетером. Та часть его души, которая так долго пряталась в тени, паникует, потому что в катетере может быть что угодно, а больница — равно проблемы. Хотя Пенни здесь, а Пенни бы не позволила сделать с ним что-то плохое, так? Так ведь? На её лице ведь нет неодобрения или жестокости. Она просто сидит и смотрит на него.

Он не помнит точно, как попал сюда, но может предположить. А ещё он гадает, почему Пенни здесь, потому что судя по обрывкам воспоминаний, она знает, кто он.

Ему больно от самой мысли что-нибудь сказать, так что он склоняет голову к ней и надеется, что она поймёт тысячи слов, которые он хочет выразить этим маленьким жестом. Слова уплывают от его сознания, было бы здорово, если бы они могли приплыть в её мозг. Следующей надо изобрести машину для чтения мыслей.

Пенни не подаёт признаков внезапно возникшей телепатии. Вместо этого она поднимает руки, и он видит, что она держит два белых пластиковых стаканчика. Когда Пенни ставит их рядом с ним, лёд тает и капает на больничные простыни. Билли пялится на пластиковые стаканчики, пока его затуманенный мозг не узнаёт замороженный йогурт.

— Я заказала один, а мне дали два, — говорит Пенни, придвигая один из стаканчиков ближе к нему. Она улыбается, и он тоже хочет улыбнуться, но не уверен, что переживёт это. — Какое безумно случайное стечение обстоятельств.

Он не может улыбнуться, хотя и хочет. На это нет сил, да и боль такая, что кажется: разговор так сдавит его внутренности — речь просто не стоит того, чтобы сказать этой девушке, как он её любит. Не то чтобы, гм, он *это* собирался сказать. Просто пример чего-то, что он не может сказать, потому что речь отказала. Так бы он, наверное, сказал что-то вроде «спасибо» или «ага». Потому что никакие слова не могут это выразить. Слова слишком мелки. И математика, с которой у него гораздо лучше, тоже слишком мелка, а это уже показательно. И даже наука, прекрасная наука, не может это вместить это. Не способна даже поэзия — произнесённая человеком, уж им так точно.

От его молчания улыбка Пенни сникает.

— Всё хорошо?

— О, — этот маленький звук царапает гортань, а может, это боль от улыбки, которую он продержал целую секунду. Пенни видит её и улыбается в ответ. Её улыбка прекрасна. — О да...

Примечание к части

Авторское название: «I've told you this story» — но русские варианты казались мне скучными. Автор сказала переводить, как угодно. Если у вас есть другие предложения — с радостью их выслушаю.